

ПРОСТРАНСТВО И УРБАНИЗМ

ОБРАЗЫ, СТРУКТУРЫ И СИМВОЛЫ

Междисциплинарная
научная конференция

Институт всеобщей истории РАН, Москва
19 октября 2018

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
Отдел специальных исторических дисциплин
НИУ ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
Высшая школа урбанистики им. А.А. Высоковского
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН
«ИСТОРИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА»

ПРОСТРАНСТВО И УРБАНИЗМ

ОБРАЗЫ, СТРУКТУРЫ И СИМВОЛЫ

Междисциплинарная
научная конференция

Тезисы докладов
Препринт

Москва 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абашев В.В.</i> Новые городские медиа и <i>Urban Exploration</i>	3
<i>Добрицына И.А.</i> Модификация урбанистических концепций пространства: От статики к динамике	7
<i>Замятин Д.Н.</i> Постгород и сопостранственность: Генезис постгородского воображения	10
<i>Коновалова И.Г.</i> Город в структуре средневекового исламского географического описания.....	15
<i>Майорова К.С.</i> От нарративного к людическому: Репрезентации городского пространства в популярной культуре	20
<i>Митин И.И.</i> Урбанистическая революция, третье пространство и критическая география: Взгляд из Сколково	24
<i>Сидорова С.Е.</i> Тротуар в индийском городе: Пространство маргинализации пешехода.....	28
<i>Тимофеев М.Ю.</i> Стратиграфия культурного пространства города: Опыт репрезентации города Иваново.....	31
<i>Уваров П.Ю.</i> Неочевидный город: Современные французские историки, археологи и географы о спорных вопросах средневекового урбанизма	34
<i>Черных А.П.</i> Неблагогородные в визуальном пространстве европейского города (XV–XVI века)	39
<i>Щавелев А.С.</i> «Город»: К деконструкции спорного историографического концепта	43

А.С. ЩАВЕЛЕВ

«ГОРОД»

К ДЕКОНСТРУКЦИИ СПОРНОГО ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА

Большинство предложений и вопросов,
высказанных по поводу философских
проблем, не ложны, а бессмысленны.
Поэтому мы вообще не можем отвечать на
такого рода вопросы, мы можем только
установить их бессмысленность...

Л.Й.И. Витгенштейн
«Логико-философский трактат»

Представление о «городе» как особом типе человеческого поселения с некой специфической социальной организацией восходит к концепции М. Вебера (посмертно опубликованная в 1921 г. работа «Город» получила наибольшую популярность) и отчасти к К. Марксу и Ф. Энгельсу (знаменитое определение из «Немецкой идеологии», изданной полностью в России в 1932 г. — см. ниже). Именно эти три классика первыми в современной науке пошли по пути поиска неких «критериев» или «признаков» города, которые отличают его от других типов человеческих мест обитания. Этот подход нашел свое продолжение и развитие отечественной историографической традиции. В медиевистике закрепились идея о городе как о «особом типе поселения» с «особым типом социальной организации» и «специфической культурной средой» (А.И. Неусыхин, А.Я. Гуревич, А.Л. Ястребицкая, А.А. Сванидзе). У востоковедов и археологов устойчиво воспроизводилась марксистская идея города как места «концентрации и перераспределения» «прибавочного продукта» в раннеклассовом и классовом обществах (В.Я. Якобсон,

О.Г. Большаков, А.В. Куза, Э.В. Сайко). Этот подход не дал результата из-за попыток связать феномен города с появлением классового общества и процессами общественного разделения труда, что явно противоречило многим наблюдаемым историческим примерам. Поскольку эмпирические данные истории доиндустриальных обществ чаще всего сильно расходились с теоретическим моделями, в археологических публикациях была изобретена и распространилась еще одна искусственная подкатегория «протогород» (Г.С. Лебедев, И.В. Дубов, В.А. Булкин, В.В. Седов и др.). Мало что в итоге дали попытки найти «археологическое определение» города и «не-города», поскольку для каждой группы памятников и каждого региона они оказывались разными (например, А.В. Кузы для Руси или В.С. Флерова для Хазарии).

Еще более тупиковыми оказываются попытки решить этот вопрос лингвистически, поскольку каждый язык имеет набор лексем-означающих, которые называют виды поселений-означаемых. Создать аналитическую категорию для описания исторической реальности с помощью стихийно сложившихся в языке концептов невозможно. Например, анализ контекстов древнерусской летописной лексики «городъ / градъ» никак не приближает нас к пониманию системы урбанизации средневековой Руси. Попытка социального историка Б.Н. Миронова называть «городом» те поселения, которые называли «городом» сами люди прошлого — очевидный трюк, поскольку такой подход может работать только для истории России Нового времени и закрывает любые возможности для сравнительно-исторических наблюдений. Приходится признать, что попытки выработки внятной исторической категории «город» спекулятивными философскими методами провалились.

Тем не менее, в современной науке (эволюционной биологии, археологии и компаративной исторической антропологии) накопились наблюдения и выводы, которые позволяют в полной мере преодолеть существующий эпистемологический тупик. С точки зрения эволюционной биологии любое стационарное поселение есть форма адаптации популяции вида *Homo sapiens sapiens* к окружающей среде, это — типичная эусоциальная колония. Объединение коллектива

людей на одной стоянке — «решающий шаг» поведенческой сапиентизации (Э.О. Уилсон).

Как показывают данные археологии уже первые люди современного типа (появляются около 40–45 тысяч лет назад) создавали относительно стационарные (как минимум — регулярно-посещаемые) поселения (Л.Р. Бинфорд). Искусственно-созданные, отличающиеся осмысленной планировкой и функционирующие в течение долгого времени стоянки — одна из составляющих так называемой «верхнепалеолитической революции», в результате которой вид *Homo sapiens sapiens* заселил всю планету Земля (Х.А. Амирханов, Л.Б. Вишняцкий, А.П. Деревянко, А.А. Зубов). Таким образом, стационарное постоянное или регулярно-посещаемое обустроенное место обитания — имманентная часть системы адаптации человека к окружающему миру с момента его формирования как вида. Причем, даже у охотников и собирателей разного времени и разных регионов стоянки ранжируются на базовые (регулярно-посещаемые) и временные (ситуативные). И ничто не мешает называть базовые стоянки (места сборов разных локальных групп, объединенных в племена, или общие святилища культовых лиг) городами. Их функции ничем, кроме масштаба, не отличаются от современных мегаполисов.

Новый масштаб и новый уровень сложности поселения людей приобретают в результате «неолитической революции» (начавшейся около 10 тысяч лет назад), то есть переходу от присваивающего хозяйства к производящему. Практически в это же время происходит «городская революция» (*urban revolution* — термин Г.В. Чайлда). Историческая логика здесь вполне понята: производящее хозяйство потребовало большей степени оседлости (даже при кочевом скотоводстве), резко снизилась мобильность как коллективов, так и отдельных индивидов, а оседлость потребовала искусственных защитных сооружений и концентрации населения. При этом за счет новых хозяйственно-культурных типов происходит демографический рост и появляются ресурсы для концентрации населения. Концепция «городской революции» сохраняет свою актуальность в современной науке и в полной

мере выдержала «проверку временем» (Б.Г. Триггер, К. Ренфрю, М.Е. Смит, М.Х. МакГауайер).

Как показал в классической *сравнительно-исторической* книге “Understanding Early Civilizations. A Comparative Study” (2003) Б.Г. Триггер города (*cities*) есть во всех *первичных* (эндогенно-возникших) *цивилизациях* древности и средневековья. Однако, продолжая его мысль, можно констатировать, что качественной разницы между поселениями разного масштаба не существует. Ни один признак поселения в ранних цивилизациях не может считаться специфически «городским» или «сельским». Нет также устойчивого набора признаков, который бы отличал город от «не-города» в разных цивилизациях. Между поселениями есть только разница в площадях территории, размере укреплений, монументальности общественных зданий, этническом и социальном разнообразии населения и др. По определению Б.Г. Триггера «город» — это только центр некой округи (хинтерленда) и ничего больше. Здесь следует вспомнить знаменитое определение понятия город К. Маркса и Ф. Энгельса из «Немецкой идеологии»: «город есть факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей...». В таком урезанном виде (без идей классового характера городских сообществ и т.п.) оно вполне отвечает сумме исторических и археологических данных о процессах урбанизации в мировой истории.

Главная отличительная черта города — концентрация неких демографических, материальных и виртуальных (власти, сакральности, знаний и т.п.) ресурсов. Причем, крупное поселение может концентрировать только один ресурс — политический (столица), военный (крепость), торговый (эмпорий) или сакральный (святилище). Таким образом, город — *категория относительная*. Качественных отличий между поселениями людей нет, есть разные масштабы и разный уровень сложности. Иными словами, поселение, которое в одном регионе по своему масштабу и сложности будет явным центром, в других условиях — очевидной периферией, заурядной «деревней». При исследовании доиндустриальных обществ следует отказаться от надуманной языковой дихотомии «город и деревня», от попыток искать «объек-

тивные критерии» и от формулирования универсального «определения» города. Опыт более чем столетней дискуссии на эту тему показывает, что это сделать просто невозможно.

В доиндустриальной истории человечества с момента перехода к производящему хозяйству и сложным формам политической организации (вождества, ранние государства и др.) всегда были базовые поселенческие центры (политические, сакральные, торговые, ремесленные), центры второго уровня и других, более низких, уровней. Изучение этой *многоуровневой структуры урбанизации территории* или, иными словами, *иерархии разномасштабных и разнофункциональных поселений* и является научной задачей истории, археологии и исторической географии.